

Алексей Загуляев

1310 832

Простые истории

История первая

Наследник из морга

Алексей Николаевич Загуляев
Наследник из морга
Серия «Простые истории», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69827551

SelfPub; 2023

Аннотация

Обнаружив себя в морге и не сразу вспомнив предшествующие этому события, Максим пытается понять, что с ним случилось. Подозрения его падают на отравление тётиной настойкой, в доме которой он позже находит один странный документ. Этот документ становится причиной его недолгого приключения, исполненного недоразумений и комичных ситуаций.

Алексей Загуляев

Наследник из морга

Максим открыл глаза. Повсюду была темнота. Такой темноты не бывает, даже если с головой укутаться в одеяло. А одеяла на нём явно не было. С минуту он пытался понять где находится. Но не мог. В голове крутились какие-то немыслимые фигуры, сплетаясь друг с другом и образуя ещё более замысловатые формы. Не в силах определиться с местонахождением, он сосредоточился на себе. И испугался. Оказалось, что он и себя-то никак не может определить. «Где он» стало вопросом второстепенным. Куда важнее было теперь понять «кто он»! «Я... – зажужжали в голове мысли, – я... человек. Ну, это понятно. Я – мужчина. Тоже, кажется, сомнений не вызывает. И если это принять за факт, то у меня должно быть имя. Да, имя... Хм... Чижик-пыжик. Сорока-воровка. Ага. Кашу варила. Может, Андрей? Нет, точно не Андрей. Ну тогда «Б» – Борис... «В» – Вова... Вова-корова. Дэ, е, ё, жэ, зэ... Ёжик в тумане. Это точно бы подошло. Да ёшкин кот! Зоопарк какой-то. Максим! Ну конечно же Максим. Я – человек мужского пола по имени Максим. Лежу в каком-то сильно замкнутом пространстве без единого лучика света».

Он попытался поднять руки, но они тут же упёрлись во что-то холодное и железное. Этот холод словно наделил его чувствами, и ледяная волна пронеслась по всему телу. «Гос-

поди! Я что, помер? Но если чувствую, значит ещё жив. Я мыслю, следовательно, существую. Так, кажется у философов. Неужели похоронили живьём?» И мысль эта привела его в такой ужас, что он всеми своими конечностями стал колотить в стенки ящика, в котором по неведомым ему причинам, судя по всему, оказался. Колотить долго не пришлось. Внезапно что-то щёлкнуло и стало двигать его головой вперёд. Вспыхнул яркий свет, и Максим зажмурился, ожидая чего-то окончательного и ужасного в этой своей окончательности. Однако ничего больше не происходило. Свет погас. Он осторожно открыл глаза. Прежней крошечной тьмы уже не было. В полумраке он мог различить предметы. Их было не так много. Всего два: стальной некрашенный стол посреди средних размеров зала, и рядом с ним тележка с железными ящичками. Напротив – стена с одной единственной дверью, из-за порога которой и проникала полоса света. Слева и справа во всю длину – закрытые квадратными дверцами ячейки в три яруса, в одной из которых он и оказался. Его ячейка каким-то образом открылась, и железный поддон, на котором он лежал, выдвинулся вперёд.

Холод стоял собачий. Максим смог теперь сидеть. Тело неохотно повиновалось его желаниям. Он осторожно спустил с поддона ноги, коснулся кафельного пола, слегка поблёскивающего лужицами воды. Бррр... Обхватил себя за плечи. Зубы лихорадочно застучали. Да что ж это, чёрт возьми, за место такое?! Неужели морг? Похожие картины он ви-

дел только в кино. И если верить фантазии декораторов и режиссёров, то именно так и должны выглядеть морги. На столе, что в центре комнаты, препарируют мертвецов. В коробочках на тележке – шприцы, пилы, скальпели и кусачки. А ячейки – ничто иное, как холодильник с трупами. Проверять не стоит. Но что же всё-таки с ним случилось? Или это уже посмертный опыт? Максим ущипнул себя за ногу. Больно. А может, это фантомные боли? Это как у людей с ампутированными конечностями – вот руки уже физически нет, а она, зараза, чешется. Он повязал вокруг талии простыню, под которой до этого лежал, и слез с поддона. Неуклюже прошлёпал к двери, цокая по полу пластмассовой биркой, привязанной к большому пальцу ноги. Дверь оказалась незапертой. Максим приоткрыл её и выглянул в коридор. Никого нет. Мягкий свет одной единственной лампы. Решил пойти направо, надеясь наткнуться хоть на кого-то, кто смог бы объяснить ему всю эту фантазмагорию. Скованность от невыносимого холода стала понемногу отходить. Он осмотрел себя. Кожа показалась иссиня-белой и больше походившей на рыбий плавательный пузырь. Коридор повернул направо, и в дальнем углу его Максим увидел наконец человека. Это был молодой парень в форме охранника. Он сидел в наушниках перед ноутбуком и был увлечён чем-то происходящим на экране.

Вытянув вперёд руки и скривив губы в подобии радостной улыбки, Максим двинулся навстречу парню. Но, видимо, что-то пошло не так. Подняв на Максима глаза, охран-

ник на пару секунд застыл с округлившимися глазами и тут же бухнулся без сознания на пол.

Такого поворота Максим никак не ожидал. Он приподнял парня, усадил его обратно на стул и прислушался к его дыханию. Дышит. Ну слава Богу. Слабонервный какой-то. Максим развернул к себе экран ноутбука. В вечернем сумраке по туманному полю там бродили толпы полусгнивших зомби. Теперь всё понятно. Пожалуй, после такого он и сам бы плюхнулся в обморок, если бы из экрана к нему вышло похожее существо с растопыренными руками. Так... Но вопросы-то как-то решать всё равно нужно. Максим свернул фильм, поискал среди иконок что-то похожее на каталог документов. Увидел надпись «Клиенты». Возможно, то, что нужно. Кликнул два раза. На экране развернулась таблица, испещрённая номерами, фамилиями и адресами. Сорвав с ноги бирку, он прочитал свой номер – 23/435. Ага. Поискал глазами в таблице. Вот он. Пяточкин Максим Владимирович, причина смерти – прочерк, адрес – Набережная, 43-17, контакты – Любовь Игоревна +7 915 346 6516. Вот, значит, кто он такой. Некто Пяточкин. Ну и фамилия. Упасть-не встать. А Любовь Игоревна... Люба. Память вспышками возвращалась к нему. Жена. Да, жена. И опять пустота. По крайней мере, знает теперь свой адрес и есть кого расспросить о подробностях, о которых мозг отказывается вспоминать.

Максим ещё раз прислушался к дыханию охранника. Мало ли. Не хотелось меняться ни с кем ролями, грех на душу

братъ. Живой. Пошарил у него в карманах. Нашёл телефон и кошелёк. Пробежался по контактам. Отыскал такси. Позвонил.

– Такси «Куда угодно». Слушаю вас, – раздался на другом конце гнусавый девичий голос.

– Мне бы машинку, – проскрипел Максим и сам себя не узнал.

– Куда едем?

– Набережная, сорок три.

– Куда подъезжать?

– К моргу.

Голос на секунду завис.

– Мужчина, – после паузы продолжила слегка возмущённая девушка, – вы пьяны или это шутки у вас такие?

– Девушка, я трезв и, поверьте мне, совершенно не склонен шутить. Я нахожусь в морге, а не на ликёро-водочном заводе. Что здесь необычного?

– В каком морге, мужчина?

– А у нас в городе много моргов? В больничном морге, – в памяти весьма вовремя всплыла знакомая местность. – Одноэтажное такое здание рядом с корпусом поликлиники.

– Ясно, – голос девушки снова утратил эмоции. – Подтверждаю вызов. С вас будет 230 рублей. Ждите.

– Спасибо. Жду.

Максим облегчённо вздохнул. Вынул из кошелька охранника триста рублей, мысленно попросил у незнакомого пар-

ня прощения и пошёл к выходу. Однако дверь оказалась запертой. Ну разумеется. Отчего бы держать её нараспашку? Снова вернулся к столу. Повывдвигал ящики. Нашёл ключи. С минуту подбирал нужный. За то время, что он возился, такси успело подъехать.

– Набережная, сорок три, – усаживаясь на заднее кресло, спокойно сказал Максим.

Шофёр недоумённо рассматривал его в зеркало.

– Вас смущает мой вид? – поинтересовался Максим и протянул ему деньги. – Сдачи не надо.

– Да и не такое приходилось возить, – успокаивая больше самого себя, ответил водитель. – Всякое в жизни случается.

– Тогда погнали, – подытожил Максим. – А то жена заждалась.

Хотя на улице и было раннее летнее утро, идти по влажному асфальту босиком от такси до подъезда оказалось далеко не комфортно. Хорошо, что улицы ещё не наполнились людьми, даже дворника не было слышно, и никто Максима в таком экзотическом виде не застучал. Подойдя к домофону, он набрал «17». Ждать ответа пришлось долго.

Наконец сонный и слегка раздражённый голос жены проскрежетал:

– Да.

– Люба, это я. – Голос супруги он сразу узнал. В памяти вспыхнула очередная порция свежих воспоминаний: сва-

дбѣ, белое подвенечное платье, пьяные гости со смазанными лицами.

– Кто я? – недовольно переспросила жена.

– Кто, кто... Муж твой. Максим.

Воцарилась недолгая пауза. Что-то загремело на том конце.

«Неужели и эта в обморок ляпнулась?»

– Мужчина, – продолжил раздражённый голос, – вы в своём уме? Я сейчас полицию вызову.

– Люба, – почти прокричал Максим, – да какие ещё шутки? Я это. Я. Ну ты чего, голос мужа своего не узнаёшь? Открой. Я тебе всё объясню. Хотя сам до конца ещё не разобрался. Открой, Люба.

– Максим? – даже через домофон стало заметно, что Люба заволновалась.

– Да, Максим. Слушай, малыш... Я тут почти голый, замёрз как собака. Ну что мне ещё сказать, чтобы ты поверила? Ну? На левой груди у тебя родинка, рядом с соском, на семь часов. Так?

Молчание.

– Люба! Ну кто ещё может знать такие детали? – теперь Максим и сам стал волноваться. – Или может? Люба, ты же говорила, что я у тебя первый. Вот блин. Хорошо. Я предложение тебе сделал в Анапе, когда с Кузовниковыми на море ездили. В кафе этом... как его там... Кажется, «Барракуда». Точно! Барракуда.

– Ладно, – согласился голос. – Открываю. Но если это окажется шуткой, то из морга вы в этот раз точно не выберетесь.

Щёлкнул замок на двери. Максим со всех ног бросился на пятый этаж. Остановился в ожидании у квартиры номер семнадцать. Открывать её не спешили. Видимо, жена смотрела в глазок.

Наконец дверь распахнулась. Максим вбежал в коридор.

– Боже мой! – воскликнула Люба. – Максик! Да как такое возможно? – и бросилась его обнимать.

– Да ладно ты, – отстранился от неё Максим. – Успеешь попричитать. Мне бы сейчас в ванну и скинуть весь этот мас-карад.

– Да-да, конечно, я сейчас. – Люба зашла в ванную, включила душ. Потом побежала в комнату, нарыла в шкафу одежду поприличней, не забыла прихватить полотенце.

– Вот, – протягивая ему охапку белья, сказала она. – От покойного мужа осталось.

– Тьфу ты, – сплюнул Максим и покрутил у виска пальцем. – Какого ещё покойного? Типун тебе на язык.

– Ой, что-то я совсем растерялась.

Максим скинул с себя простыню, перехватил у Любы одежду и ушёл в ванную.

Горячие струи воды окончательно привели его в чувства. Теперь он помнил всё. Ну, почти всё. Не помнил только то, как очутился в морге. Свадьба была ещё вчера, двадцать третьего июля. На сегодня был назначен второй день в доме у

тёти Нади. У тёти Нади... Да, да, да. Последнее, что он помнил, это их прощание в её доме. Подвёз их Серёга Верёвкин, чтобы договориться на счёт второго дня. Серёга-то совсем не пьёт, завязал два года назад. А Максим под конец торжества оттянулся по полной. Требовал у тёти Нади на посошок. Та вынесла ему какую-то диковинную настойку, привезённую полгода назад из Таиланда. Ещё с самой настоящей змеей внутри. Он выпил и... И всё. На этом дыра – и пробуждение уже в холодильнике.

Он посмотрел на себя в зеркало. А подглазины-то, подглазины. То ли с похмельюги такой синий, то ли от перенесённых невзгод. Голова, однако, нисколько не болела, словно и не пил вчера вовсе. Максим наскоро побрился, помыл голову и вернулся, чуть порозовевший, к жене в спальню.

– Никому не звонила? – спохватился он.

– Когда?

– Пока я мылся, никому не звонила?

– Нет. Да я и вчера ещё позвонить никому не успела, рассказать, что ты того... Ну... Что ты скоропостижно скопытился.

– Люба, выбирай выражения. Мы ведь теперь женаты.

– Да, прости, милый. Сама не своя. Не знаю чего леплю. В общем, никто пока не знает ни о твоей смерти, ни о твоём воскрешении.

– Это хорошо. А скажи мне, как я оказался в мертвецкой?

– Довёз нас Серёга от тёти Нади домой. Ты пошёл в

душ, протрезвел немного. Собрался было уже лечь в постель, но не дошёл трёх шагов до кровати и рухнул на ковёр как подкошенный. Я, конечно, скорую сразу вызвала. Минут двадцать они ехали. А ты, смотрю, синий весь, уж и не дышишь. Бегаю по комнате, как дурочка, всё «господи» да «господи» бормочу. В общем, приехали, взглянули на тебя... И сказали, что уже поздно... Минут через десять приехала труповозка. Прикинь. Работают быстрее, чем скорая. Загрузили тебя. Я мужикам бутылку дала, чтобы присмотрели за тобой чин по чину. Говорят, жди завтра ментов. То есть уже сегодня.

– А времени сколько?

Люба посмотрела в мобильник:

– Половина шестого.

– Слушай, – вспыхнула у Максима догадка. – А ту настойку, которой потчевала меня на посошок тётя Надя, кто-нибудь пил ещё, кроме меня?

– Пил. Мишка Сотов. Он к тётке с нами увязался.

– А он жив?

– А ты что... Это... Тётю Надю что ли подозреваешь? Думаешь, она тебя отравить хотела?

– Да я не знаю уже что и думать. Я же здоровый всегда был, как бык. С чего бы мне вдруг с семи стопок в кому впадать? Хоть и недолгую.

– Да всякое ведь бывает. Вон Димка Сопрыкин. Помнишь? Так он, когда отцу веранду помогал строить...

– Ой, только не надо сейчас, – перебил её Максим. – При чём тут Димка Сопрыкин? Я себя как облупленного во всех подробностях знаю. Не с чего мне жизни было лишаться.

– Ну, тебе виднее.

– Вот именно. Так жив Мишка-то?

– Да кто ж его знает. Они с Егором вчера с вечера на рыбалку укатили на Святое озеро. Говорили, что дня на три.

– Надо позвонить, узнать.

– Не получится.

– Это почему?

– Да там связи никогда нет. Помнишь, мы тоже как-то с Егором ездили. Ни до кого не могли дозвониться.

– Да я местами вот помню, а местами туман в голове. Но думаю, если б что-нибудь с Михой случилось, то Егор уж всяко нашёл бы за это время способ связаться с большим миром.

– Я попозже жене его позвоню.

– Позвони. Но только обо мне не говори пока никому.

– Хорошо. А ты что-то задумал?

– Тётку съезжу проведу. Поговорю с ней. Она ведь всю жизнь была с прибабахом. С неё станется.

– С каким ещё прибабахом?

– С таким. Писательница она у нас. По полгода колесит по задворкам закордонным, а потом полгода отшельничает у себя в доме, отключив телефоны. Романы пишет.

– Хорошие хоть романы-то?

– Не читал, не знаю.

– Так ты её и сейчас не застанешь дома.

– Почему? Второй же день у неё отмечать собирались.

– Собирались. Да обломала она нас. Сказала, что с утра улетает в Камбоджу. А без присмотра в доме нам находиться категорически запретила.

– Надо же, – огорчился Максим. – А я этого вот не помню. Но всё равно поеду. Может, ещё застану.

– А мне что делать? – встрепелась жена.

– Ничего пока не делай. Отмени второй день. Скажи, что сильно я захворал, в больницу увезли областную. Что-нибудь типа того. И жене Егора позвонить не забудь. Я старый мобильник, который на твою маму записан, возьму. Позвоню тебе ближе к полудню.

– Почему не свой?

– Менты же придут. Сама сказала. Им тоже не говори ничего. Делов, мол, не знаю. Вчера в морг забрали, с утра сижу, слёзы горькие лью по супругу.

– О божечка ты мой. – Люба уткнула лицо в ладони. – Я ж врать не умею. Нагорожу какого-нибудь не дела.

– Ты горяющая вдова. Спросу с тебя не будет. Лепи горбатого и не парься. Ладно. Я полетел, пока соседи не расшатались.

Огородами добравшись до гаража, Максим раскочегарил свою старую «Ниву» и просёлочными дорогами добрался до

трассы, по которой до тётушкиного дома ехать было минут пятнадцать. Оставив автомобиль на пригорке, поросшем молодыми тополями и елями, он метров триста прошёл пешком, стараясь не попадаться никому на глаза. В основном в этом районе дома́ использовались как дачи, и только аккуратный домик тёти Нади выглядел среди соседних построек таким элитным особнячком, явно не предназначенным для временного в нём пребывания. Здесь надлежало именно жить, а ещё лучше не просто жить, а громко заявлять об этом завистникам и зевакам.

Максим зашёл с тыла. Добравшись до двери, позвонил. Тишина. Постучал. Внутри не были слышно никаких движений. Значит, всё-таки не успел. Ну ладно. Может, это оно даже и к лучшему.

В детстве мать часто отправляла Максима к тёте. Бывало, что и на целое лето, если у той на этот сезон приходился период отшельничества. Тётя Надя не отличалась особой разговорчивостью, погружённая в своё творчество. На скорую руку готовила завтраки и обеды, всякий раз забывая, что существует ещё и ужин, и снова исчезала в своём рабочем кабинете, так что Максим большую часть времени был предоставлен самому себе. Да он и не огорчился своему одиночеству и отсутствию ужинов. Он наслаждался предоставленной ему свободой и обставлял окружающее пространство миражами, со всей детской пылкостью воображая себя то пленником замка Иф, то капитаном Бладом, выброшенным

чудовищным штормом на необитаемый остров. Ему здесь было хорошо. Дом, несмотря на свои скромные по меркам таких строений размеры, казался ему огромным, наполненным тайными комнатами, зигзагами лабиринтов и монстрами, поджидающими неопытного скитальца в каждом тёмном углу. Может, силой своего воображения он пошёл как раз таки в тётю Надю. А может, это присуще всем детям. Этого он пока не знал, поскольку о своих собственных детях им с Любой думать пока не хотелось, – года два они решили ещё пожить ради самих себя, притереться, так сказать, характерами и обрести семейным жирком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.